

Николай Добролюбов

**Очерк истории немецкой
литературы... Составлен О.
Шталем**

Николай Александрович Добролюбов

Очерк истории немецкой литературы... Составлен О. Шталем

Рецензия Добролюбова на учебное пособие, составленное учителем московской гимназии О. О. Шталем, является одним из многочисленных выступлений критика по вопросам образования. Особенно беспощадную и упорную борьбу вел Добролюбов с бесталанными и вредными учебными книгами, которые «обогащают познаниями в ущерб здравого смысла». Так и настоящая рецензия направлена против консервативной педагогики и истории литературы.

Содержание

#1	0005
Примечания	0014

**Николай Александрович
Добролюбов
Очерк истории немецкой
литературы... Составлен О.
Шталем**

*С присоединением во II части избранных отрывков из сочинений образцовых писателей. Составлен О. Шталем.
Часть I. Москва, 1858*

Странная, жалкая судьба постигает все наши попытки на поприще образования! Чуть только выскажется в обществе желание учиться, чуть только кто-нибудь сделает шаг вперед, – сейчас же подскочит ловкий *специалист*, бывалый человек, авторитет, вождь *ex officio*, [1] – и предлагает указать лучшую дорогу, облегчить трудности пути, поить, кормить и лелеять вас во все время вашего странствия. Только положитесь на него, – он вас уж проведет!.. Хотите историю знать, – г. Иван Шульгин вам руководство предлагает; {1} географию – г. Зуев составляет для вас бесчисленное множество атласов; {2} грамматику, – к вашим услугам гг. Греч и Иван Давыдов; {3} педагогику, – г. Николай Вышнеградский целый журнал для вас основывает!.. {4} Наконец, если своего ума и... смелости не хватит, так можно у иностранцев позаимствоваться. Для политической экономии недавно явился у нас отвратительный перевод тупоумного курса Гарнье; {5} теперь вот для истории немецкой литературы (то есть, собственно, – только *поэзии*; в книге ни слова не говорится о немецких историках, философах и

пр.) является книжка, составленная г. Шталем по лекциям гг. Вильмара и Бартеля!.. {6} Нужно же было взяться за это дело именно г. Шталю, который издал теперь только первую часть, но говорит в предисловии, что «если богу будет угодно, то скоро явится и вторая!». Нужно же было этому почтенному сочинителю выбрать себе фанатически-одностороннего Вильмара и поверхностного Бартеля (можете себе представить, каков должен быть поверхностный немец!). Бранить г. Шталь, собственно говоря, не за что: он сделал, что умел и как умел, сообразно своим способностям и понятиям. Понравились ему Бартель и Вильмар за то, конечно, что оба очень благочестивы и скромны, – он им и предался душою. Полюбились они ему тем, что один имел четыре, а другой восемь изданий в Германии, – он и сообразил, что недурно из них составить книжку и для русской публики. Проверить их суждения, выразить свой собственный взгляд на писателей г. Шталь не мог, вероятно, потому, что сам не вполне знаком с немецкой литературой... Чего же от него требовать? В чем его упрекать? В том

разве, что не за свое дело взялся? Да как же это не его дело? Послушайте-ка, что он говорит в предисловии: «В надежде, что предлагаемый очерк, писанный большею частью по лекциям гг. Вильмара и Бартеля *собственно только для моих учеников*, может принести некоторую пользу и другим, я решаюсь издать его в свет». Видите ли: это его специальность, он учитель, ex officio учитель; как же ему не взяться за обучение публики тому предмету, которому он (с большим, должно быть, успехом) обучает своих учеников?.. Нет, можно пожалеть, что кто-нибудь другой не взялся за составление курса немецкой литературы; но г. Шталя упрекать не за что!..

И как отозваться о самой книге его? Полезна она или вредна может быть для читателя? Как хотите: может быть и то и другое. Самое дурное в большей части наших учителей – то, что они не довольствуются сообщением нам нужных фактов, а хотят навязать и свои понятия об этих фактах. У них есть убеждение, что они не только знают больше, чем их ученики, но что и мыслят они лучше. Вследствие того, рассказавши историю какого-нибудь Молча-

лина, они никак не хотят предоставить ученику самому обсудить ее, а непременно считают долгом прибавить: «Молчалин есть примерный молодой человек...» Таким образом и случается почти всегда, что юноши наши обогащаются познаниями в ущерб здравого смысла. Подобный ущерб угрожает всякому, кто захочет довериться суждениям г. Штала. Это обстоятельство едва ли не уничтожает всю пользу, какую могло бы принести учащимся довольно подробное изложение некоторых произведений немецкой поэзии (например, «Песни о Нибелунгах», «Рейнеке-Фукса», нескольких пьес Шиллера и Гете), представленное в книге г. Штала. Правда, г. Шталь не искажает смысла рассказываемых произведений, как это делает, например, г. Орест Миллер в своей диссертации; но зато суждения его ничуть не лучше тех, которые представлены в диссертации «О нравственной стихии в поэзии».^{7} Например, г. Шталь говорит, что драма Лессинга «Nathan der Weise» [2] «основана на том софизме, будто бы в каждой вере можно быть добрым человеком» (стр. 82). О «Фаусте» он говорит: «В нем Гете

хотел показать, что если человек ищет свободы вне бога, в необузданной жажде знания и грешной гордости стремится ко всеведению, то подпадает духу лжи и грубой чувственности и погибает во грехах» (стр. 106). И таких суждений много в «Очерке» г. Шталя; какое понятие дадут они читателю о смысле художественных произведений? Впрочем, когда дело идет об отдельных произведениях, которых содержание рассказано в книге, то читателю предоставляется по крайней мере возможность хоть несколько проверить приговор г. Шталя. Но составитель «Очерка» не ограничивается частными суждениями: он произносит свой суд над целыми периодами литературы, над целыми партиями и направлениями – и даже не представляет никаких доказательств в подтверждение своих слов. Как вам нравится, например, такая характеристика Гейне (стр. 150–151):

Людвиг Бернс и 'Ейнрих 'Ейне (г. Шталь везде пишет значок вместо немецкого Н) – оба еврейского происхождения и уже по этому одному не могли – ни искренно уважать христианскую веру,

ни, как всегда бывает у этого народа, питать истинной любви к отечеству... 'Ейне не без основания обвиняют в бесхарактерности и легкомыслии. Он не стыдился издеваться над самым святым; рисуясь пред светом своей мировой печалью, он на самом деле едва ли был способен чувствовать истинную печаль. Излив свою тоску, он чрез минуту подсмеивается над ней; почти все его произведения обнаруживают отсутствие твердых нравственных убеждений, и пр.

И ни одного факта в подтверждение этих голословных ругательств!..

Зато с такою же точно голословностью восхваляет г. Шталь Редвица, Эйхендорфа, Гейбеля, {8} которого называет даже «одним из первых лириков нашего времени». Какие средства имеет читатель, не знающий этих поэтов, сообразить, что в книжке г. Шталя восхваляется систематически все пресное, вялое, праздное и гнилое?

А что за хаос в общих понятиях автора! Мы уверены, что никакая человеческая логика не разберет изумительной путаницы, представ-

ляющейся, например, в следующем объяснении причин, от которых произошел упадок немецкой литературы в XIII веке. Мы приведем вполне эту страницу из книги г. Штала, чтобы тут же кстати дать понятие о способе его изложения (стр. 52–53):

Чем более мы удаляемся от XIII столетия и теряем из вида это поэтическое время, тем безотраднее становится путь, тем мрачнее горизонт литературы. Мы вступаем в обширную пустыню, и лишь изредка путешественник может отдохнуть на зеленом оазисе у свежего источника; он слышит пение, и перед ним носятся воспоминания о былых красных днях золотой поэзии(!!).

С пресечением дома 'О'онштауфенов Германия упала с своей политической высоты, и Рудольф Габсбургский, как заботливый домохозяин, был занят одними только внутренними, мелочными интересами государства; певцы, приходившие к его двору с большими надеждами, уходили ни с чем, унося свои песни в замки вельмож. Но каков господии, таков и слуга. Могушествен-

ные герои и князья обратили теперь свои мысли от дальней чужбины, где утихли шумные дни крестовых походов, к родине; их деятельность ограничивалась заботами о ближайшей пользе своих подданных, которым угрожали голод и язва, противодействием кулачному праву и хищничеству рыцарей, распространявшемуся все более вследствие ослабления папской власти, как церковной, так и политической. Христианская вера, этот богатый источник поэзии того времени, ослабела; мысли народа обратились исключительно к земным заботам, торговля расцветала, города возникали и усиливались, богатство росло под влиянием различных изобретений и открытий. Чем более возвышалось материальное развитие, тем ниже упала нравственная и поэтическая жизнь народа.

Что это такое? Поэзия упала оттого, что государи стали заботиться о благе своих подданных! Поэзия упала оттого, что кулачное право и хищничество ослабели! И вместе с этим христианская вера тоже ослабела – отто-

го, что хищничество и резня стали преследоваться!.. Что же это такое? Не написал ли это какой-нибудь фанатик из последователей распопа Аввакума{9} или Никиты Пустосвята? Нет, – на книге стоит имя г. Шталя, по-видимому, немца... Но он зашел уже, кажется, слишком далеко в своем усердии, которым так славятся немцы, поселившиеся в России.

Примечания

Условные сокращения

Все ссылки на произведения Н. А. Добролюбова даются по изд.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964, с указанием тома – римской цифрой, страницы – арабской.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БДЧ – «Библиотека для чтения»

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство»

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

ОЗ – «Отечественные записки»

РБ – «Русская беседа»

РВ – «Русский вестник»

Совр. – «Современник»

Чернышевский – Чернышевский Н. Г.
Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1859, № 4, отд. III, с. 267–271, без подписи.

Рецензия Добролюбова на учебное пособие, составленное учителем московской гимназии О. О. Шталем, является одним из многочисленных выступлений критика по вопросам образования. Особенно беспощадную и упорную борьбу вел Добролюбов с бесталанными и вредными учебными книгами, которые «обогащают познаниями в ущерб здравого смысла». Так и настоящая рецензия направлена против консервативной педагогики и истории литературы.

Сноски

1

По обязанности (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

2

«Натан мудрый» (*нем.*). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Имеется в виду «Руководство всеобщей историей... Составлено И. Шульгиным и В. Макиным» (СПб., 1858). В своей рецензии на это пособие Добролюбов подверг его уничтожающей критике (IV, 188–189).

[^^^]

2

Н. И. Зуев скомпрометировал себя как автор учебного пособия по истории (см. с. 72 и примеч. 40 к ней).

[^^^]

Н. И. Греч был автором «Практической русской грамматики» (первое изд. – 1826) и «Пространной русской грамматики» (первое изд. – 1827). И. И. Давыдову принадлежали «Чтения о словесности» (1837–1838). Добролюбов выступал против продажного «патриотизма» обоих («Письмо к Н. И. Гречу» – наст. изд., т. 1, «Партизан И. И. Давыдов во время Крымской войны» – I, 802–308).

[^^^]

4

Консервативный «Русский педагогический вестник», выходивший в Петербурге с 1857 г. под редакцией Н. А. Вышнеградского (иронический отзыв о № 1 журнала см.: I, 458–459). О Вышнеградском Добролюбов в своем дневнике 1857 г. отзывался как о «мерзавце» (VIII, 526).

[^^^]

5

Имеется в виду вышедший в 1858 г. русский перевод книги Ж. Гарнье под названием «Начальные основания политической экономии». Буржуазный дух этой книги был подвергнут резкой критике в рецензии «Современника» (1858, № 9).

[^^^]

Имеются в виду лекционные курсы истории немецкой литературы, написанные с консервативных позиций А.-Ф. Вильмаром (Geschichte der deutschen Nationalliteratur – История немецкой литературы, 1845) и К. Бартемом (Die deutsche Nationalliteratur der Neuzeit – Немецкая литература нового времени, 1850). «Фанатизм» первого проявился в религиозной тенденциозности.

[^^^]

7

Рецензию на нее Добролюбова см.: наст. изд., т. 1, с. 658–670.

[^^^]

8

О. Редвица Шталь восхваляет за то, что он «выступил против врагов религии и общественного порядка» (с. 158), И. Эйхендорфа – за «благочестивую душу» (с. 146), Э. Гейбеля – за то, что тот «явился открытым противником революционных поэтов» (с. 157–158).

[^^^]

Ироническое отношение Добролюбова к протопопу Аввакуму определялось религиозным характером его сочинений.

[^^^]

[^^^]